

КОЖЕВЕННОЕ ремесло агинских бурят

Культура любого этноса предстает перед исследователем как единство оригинальных культур входящих в него этнических групп. Сравнительное изучение культуры этих групп позволяет, на наш взгляд, яснее увидеть мозаичную картину культуры рассматриваемого народа.

Бурятская культура была в достаточной мере исследована рядом сибирских ученых. Однако такая важная составная часть материальной культуры бурят, как их традиционные ремесла, не получила должного рассмотрения. Для того чтобы частично восполнить этот пробел, мы попытаемся дать описание одного из наиболее значимых ремесел бурят – кожевенного – по материалам, собранным у агинских бурят – локальной группы бурятского этноса.

История агинских бурят, ныне составляющих основное население Агинского Бурятского автономного округа, фактически началась в первой трети XIX столетия, когда они оказались территориально обособлены от других забайкальских бурят. Ядром этой группы стали выходы из восьми хори-бурятских родов. Длительное существование в отрыве от остального этноса привело к возникновению определенных особенностей культуры агинских бурят, в частности их ремесел. В статье предпринимается попытка выявления специфики их кожевенного ремесла.

Хронологические рамки работы ограничиваются XIX – началом XX в., временем, когда происходит выделение и формирование агинских бурят, а также консолидация всех групп бурят в единый этнос.

В рассматриваемый период среди агинских бурят было немного мастеров-кожевенников. Объяснялось это тем, что изделия из кожи изготавливались в каждой бурятской семье. По традиции выделыванием кож занимались исключительно женщины, но наиболее качественные и художественно оформленные предметы из кожи выполнялись специалистами – мастерами-кожевенниками. Неслучайны поэтому их известность и уважение, которыми они пользовались в народе.

В XIX – начале XX в. у агинских кожевенников существовало деление на сапожных мастеров (*сабхишан*), седельников (*эмээлишэн*), кожевников (*аршаишан*) и простых шорников (*тоногишан*). Большинство сапожных мастеров составляли женщины, прекрасно владевшие техникой шитья унтов и их художественного оформления. Кожевенниками делали еще комплекты из тебеньков и чепраков, а также конскую сбрую. Кожевники мяли кожи, которые затем скупались торговцами и поступали на продажу. Шорники делали пользующиеся спросом парные дорожные сумы, а также плети, употребляемые не только для верховой езды, но и как оружие, и некоторые иные вещи.

Данные этнографических исследований показывают, что во многом схожая специализация кожевенников имела у монголов¹, тувинцев², калмыков³ и ряда других степных народов. Возможная причина этого нам видится в сложившейся на территории Центральной Азии и Южной Сибири в XIV–XVI вв. единой ремесленной и хозяйственной традиции.

Производство у агинских кожевенников было организовано следующим образом. Заказчик обращался к мастеру с предложением взяться за изготовление той или иной вещи. Обе стороны договаривались о форме оплаты, сроках, об использовании тех или иных материалов, декоративной отделке вещи и т.д. Иногда заказчик просил мастера только украсить тиснением, аппликацией или вышивкой ту или иную вещь. Кожа для изделия могла быть заготовлена самим мастером или принесена заказчиком уже выделанной. В зависимости от характера работы устанавливалась оплата в денежной или натуральной форме.

Кроме членов своей семьи, мастер больше никого не привлекал к работе, и поэтому система подготовки учеников из числа чужеродцев в кожевенном ремесле не сложилась. Секреты профессии передавались по наследству от родителей детям.

Исходное сырье кожевенного производства

Для существования кожевенного производства в Агинской степи имелось постоянное легко восполняемое сырье, получаемое от кочевого хозяйства. Агинские буряты разводили в рассматриваемый период несколько видов домашнего скота – коней, верблюдов, коров, коз, овец, которые давали шкуры, мясо, рога, т.е. продукты, необходимые не только для питания, но и для пошива одежды, обуви, изготовления разных предметов кочевого быта.

После соответствующей обработки шкуры забитых на мясо животных использовались в кожевенном производстве. Эти шкуры заготавливались в течение года, большей частью поздней осенью, когда агинские буряты резали домашний скот, обеспечивая себя мясом на зиму. Забивали скот, главным образом коней и овец, известным у центральноазиатских степняков способом – путем разрыва аорты рукой. У лошадей (яловых кобылиц) перед этим связывали ноги, заваливали их на бок, а затем острым ножом распарывали живот, прорывали диафрагму и разрывали аорту.

Другие способы умерщвления крупного рогатого скота и лошадей агинскими бурятами также характерны для тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Например, применялся следующий прием. Забиваемое животное обвязывали веревками, концы которых находились в руках людей, располагавшихся вокруг него по кругу. Пока один опытный мужчина убивал животное ударом обуха топора по голове, другие удерживали животное. Этот способ бытовал у тюрков Сибири с давних времен. Судя по археологическим данным, погребения с конем были присущи древним тюркам VI–X вв. н.э. и впоследствии сохранялись у их потомков (на Алтае и в Туве они существовали вплоть до начала XX в.)⁴. Лошади, чьи костяки обнаруживаются в этих захоронениях, нередко умерщвлялись ударом в лобную часть черепа. Еще один способ предполагал умерщвление животного ударом ножа в затылок, когда пробивался спинной мозг между первым позвонком и черепом.

После того как животное испускало дух, мужчины надрезали шкуру от груди до головы, от копыт до живота и снимали ее, просовывая под нее кулак. Отделив шкуру от туши, ее очищали от остатков мяса и жира тупым ножом, промывали мездровую сторону теплой водой, потом высушивали в разостланном виде на ветру под навесом. Из этих высушенных шкур в последующем выделывали кожу.

В языке агинских бурят сложилась соответствующая терминология для обозначения шкур в зависимости от половозрастных признаков животного (овец, козлов, крупного рогатого окота, лошадей, верблюдов).

Овчина делилась агинскими бурятами по длине шерсти на *harsa* (шкурка ягненка с длинной шерстью), *хахидха* (овчинка с остриженной шерстью), *хурбэдхэ* (овчина с отросшей после стрижки шерстью), *нэхы* (овчина с длинной шерстью)⁵. Л.Л. Линховоин пишет и о наличии другой классификации овчины у этой группы бурят: *хуулидха* (майская-июньская), *зууур* (через 3–4 мес. после стрижки), *нэхы* (зимняя овчина с длинной и густой шерстью), *haryмай* (голая, без шерсти), *haryhan* (голая, специально обработанная)⁶. У других бурят встречалась близкая приведенным выше классификация качества овчины⁷.

Свежеснятую шкуру овцы и козы сушили в течение одного-двух дней. В летнее время ее растягивали на земле и закрепляли с помощью колышков (*тэбхэ*) мездрой вверх, выбирая для этого прохладное и проветриваемое место. В зимнюю пору выносили на несколько часов на мороз. Высушенную шкуру обрабатывали кисломолочной смесью бозо, натирая ею мездровую сторону шкуры. Кроме того, использовался способ обработки смесью из вареной печени и кислого молока. Оба способа размягчения овчины идентичны приемам обработки шкур у других групп бурят⁸.

С овчины мездру снимали скребком и песком, дальнейшее размягчение осуществляли кожейалкой-закруткой (*мушхалаа*). Один конец шкуры привязывали к колу высотой 80–90 см, а на другом конце закрепляли деревянную палочку длиной 40–45 см, диаметром сечения 3–4 см. Взявшись за палочку руками, овчину крутили и растягивали. Потом скрученную шкуру палочкой укрепляли на коле. Через час эту операцию повторяли снова, и так продолжалось с небольшими перерывами в течение четырех дней.

Следующим этапом в размягчении овчины были очистка ее внутренней поверхности скребком (*хэдэргэ*) и обработка ножным крюком (*хул шударга*). Ножной крюк представлял собой березовую палку с выступающим в верхней части обрубком сучка, в развилку которого закрепляли поперечную металлическую пластинку с одним рабочим краем. Рукоять такого крюка была наверху палки, а к нижнему концу палки приделывали ременную петлю. Подвесив на перекладине шкуру, одной рукой натягивали ее, а другой брали рукоять крюка. Затем, введя ногу в петлю, движениями сверху вниз мяли внутреннюю поверхность овчины. Как справедливо считает Р.Д. Бадмаева, ножной крюк был заимствован бурятами у русских⁹.

Процесс выделки овчины завершался ее дымлением (*утаадха*). С этой целью рыли яму глубиной 0,5 м, на дно которой складывали высушенный навоз. Над ямой ставили конусообразное сооружение из палок, поверх которого набрасывали овчину мездрой вниз. Когда навоз поджигали, поднимающийся дым прокапчивал кожу, придавая ей желтоватый оттенок. Дымили кожу в течение одного-двух дней. Обработанная таким способом шкура сохранялась довольно долго. Кроме того, дымление усиливало ее водоотталкивающее свойство. Описанный способ дымления в основных чертах одинаков у всех групп бурят¹⁰. Монголы и калмыки дымили кожу примерно так же, как и буряты¹¹.

В XIX в. агинские буряты пользовались двумя способами снятия волосяного покрова со шкуры (*салазаха*). Эти способы применялись при выделке сыромятной кожи. Первый способ предполагал снятие шерсти посредством скребла-косы (*хажуур*). Он использовался также при очистке свежеснятой шкуры от мездры. Для снятия мездрового слоя шкуру растягивали и закрепляли на какой-нибудь ровной поверхности (чаще всего это была деревянная доска). Шерсть предварительно смачивали водой и затем сбривали косой-литовкой. Во время бритья косу, держа обеими руками, тянули на себя. По ходу работы шкуру периодически смазывали маслом или вываренным из костей жиром.

Второй способ был связан с размачиванием шкуры в навозном растворе. Обрабатываемую шкуру выдерживали в емкости с навозной жидкостью в течение нескольких суток. За это время волосяной покров размягчался и впоследствии легко удалялся при скоблении.

Сопоставление с известными у других народов приемами снятия шерсти с кожи показывает, что первый способ был воспринят агинскими бурятами от русских. Русские кожевники использовали в качестве скребка косу-литовку, с помощью которой изготовлялась так называемая бритая сыромять¹². Данный прием был распространен у других бурят, о чем, в частности, пишет в своей работе И.И. Серебренников¹³. Для других монголоязычных народов указанный прием не был характерен. Только монголы соскабливали шерсть с лошадиной шкуры ножом¹⁴.

Традиционен для центральноазиатских степных кочевников второй прием агинских кожевников – вымачивание шкуры в какой-либо жидкости. Для этого годились обыкновенная вода, сыворотка или сложный раствор из сыворотки и барды – гуци, остающейся после перегонки молочной водки¹⁵.

В XIX в. буряты стали заквашивать шкуры и кожи¹⁶. Данный прием обработки сырья скорее всего был заимствован ими у русских. По Д.К. Зеленину¹⁷, таким способом получали квашеную сыромять. Соседним монголам, тувинцам, а также калмыкам этот способ известен не был.

После освобождения кожи от волоса ее разминали на кожейалке. В зависимости от

вида кожи агинские мастера работали на разных типах кожемялок. Так, верблюжья, коровья и лошадиная кожи обрабатывались на крупной кожемялке (*эрьяулгэ*), а овечья и козья – на меньших по размерам кожемялках (*гар талхи* и *үбдэг талхи*). Перед закладкой кожи в кожемялку ее поверхность обмазывали костным жиром, что вполне мог выполнить вручную один человек, если он мял овечью или козью кожу. Если же требовалось обработать одновременно несколько больших кож, участвовало уже два человека или же запрягали в постромки лошадь, чтобы раскрутить кожемялку (*эрьяулгэ*).

Для придания коже красивого однотонного цвета ее красили (*будагдаха*) специальным раствором, образующимся при кипячении в воде мелконарезанной коры лиственницы (*шуулта*). В котле с таким раствором продолжительное время выдерживали конскую или коровью кожу. В результате она приобретала темно-красный оттенок. Похожий способ крашения кожи применялся монгольскими мастерами¹⁸.

Каких-либо сведений о таком способе обработки кожи, как дубление, у агинских бурят в прошлом не обнаруживается. Другие буряты дубили кожу корой осины и раствором купороса¹⁹. Данный способ обработки кожи, вероятно, появился у бурят под влиянием русской традиции. На это, в частности, указывает бурятский термин, определяющий дубление, – *дубчиилгэ*, несомненно, заимствованный из русского языка. К тому же дубление кож в практике других монгольских народов исследователями не отмечается.

Процесс выделки (*хатнюлдаха*) кожи агинские буряты начинали с размягчения. Сначала мездровую сторону смачивали молоком или кисломолочным продуктом, потом сворачивали кожу обработанной стороной вовнутрь. Через некоторое время ее разминали руками и счищали ножом образовавшуюся корочку. Эта операция повторялась несколько раз.

Для размягчения кожи использовалась печень (*эльгэдэлгэ*). Вареную печень разминали в молоке до полного растворения. Затем получившейся кашицей обмазывали внутреннюю сторону кожи и сворачивали ее. По истечению двух дней затвердевшую массу удаляли скребком.

Для пошива своих изделий агинские буряты употребляли нитки, приготовленные из сухожилий ног и спин животных. Свежеснятые сухожилия сначала раскладывали на доске и просушивали, а затем разбивали деревянным молотком, расчесывали и расщепляли на тонкие нити. Если сухожилия были сухие, их предварительно вымачивали в сыворотке и потом производили с ними все последующие операции. Сухожильными нитками мастера шили обувь, переметные сумы, мешки и т.д. Способ сучения сухожильных ниток, применяемый агинскими бурятами, по всей видимости, достаточно древнего происхождения, ибо он был известен многим народам Сибири и Центральной Азии.

Технические приемы агинских кожевников

По ходу работы над изделиями мастера выполняли кройку (*эсхэлгэ*) и прошивку (*нэбтэгэлзэлгэ*) кожи, а также декоративную отделку тиснением (*хээ даража гаргалга*), вышивкой (*угалзатуулан селго*), аппликацией (*татаханууд*).

Изготовление любого изделия из кожи начиналось с кройки. Расстелив размягченную кожу на специальной доске, мастер накладывал поверх нее кожаные или тканевые выкройки и специальным ножом сначала обозначал контуры, а затем, сняв выкройку, отрезал «очерченную» кожу. Прошивка производилась после раскройки кожи. При этом шилом прокалывали края кожи, а потом прошивали иголкой с заправленной в нее сухожильной ниткой. Агинские мастера обычно шили тамбурным швом, протягивая иголку к себе.

Для того чтобы получить на коже выпуклый орнаментальный рисунок, делали тиснение. Для этого намоченную кожу укладывали на доску-трафарет (*хэб*) с резным

рисунком и острием тупого ножа продавливали ее в углубления. Далее кожу, не убирая формы, просушивали так, чтобы на ней закрепились выдавленные узоры. Такое тиснение, выполняемое агинскими ремесленниками, имеет аналогии в кожевенном ремесле тувинцев, монголов, киргизов, башкир и некоторых других скотоводческих народов. Широкая география распространения данного способа тиснения может свидетельствовать о его древности.

Аппликацию мастера делали контрастной по цвету с основным тоном кожи, на которую она нашивалась. Материалом для аппликации служила также кожа, которая была более тонкой и лучше обработанной, чем кожа основы. Такая кожа традиционно красилась в зеленый, коричневый или черный цвета. На первом этапе работы над аппликацией на кожу наносили тиснение. Только после того, как кожа подсохнет, мастер, осторожно надавливая ножом, вырезал оттиснутый узор. Вдоль края аппликации он протыкал шилом дырочки, чтобы затем пришить вырезанный узор к изделию. Такой прием аппликации агинских мастеров генетически близок технике аппликации монголов и тувинцев.

Если тиснение и аппликация на коже по традиции являлись чисто мужскими занятиями, то другой вид художественной отделки исполнялся исключительно женщинами. Речь идет о вышивке, осуществляемой тамбурным швом. Мастерницы использовали для нее покупные шелковые и шерстяные нитки. Сначала они по бумажному трафарету прокалывали на поверхности изделия рисунок, затем его контур прошивали одинарным или двойным швом тамбура. На унтах такое узорное украшение покрывало верхнюю часть носка и боковую сторону головки.

Виды кожаных изделий

Агинские буряты употребляли кожу для изготовления одежды, обуви, конской сбруи, колчанов, налучий и некоторых других предметов. Обычно все эти вещи производили в каждом хозяйстве, но, как отмечалось выше, наиболее качественные и высокохудожественные образцы создавались мастерами-кожевенниками.

У.-Ц. Онгодов в своих записках перечисляет ту обувь, которую носили в прошлом столетии агинские буряты²⁰. Вообще же всю эту обувь можно подразделить на праздничную, рабочую и сезонную (летнюю и зимнюю). Обувь агинских бурят, кроме так называемой «ябаган гутал», принадлежала к башмаковидному типу бурятской обуви. Она различалась между собой прежде всего материалом, из которого была сшита. Зимние унты шились из овечьей, козьей, конской, иногда косульей шкуры шерстью вовнутрь. Летние унты обшивались юфтью, черным плюсом или другим тканевым материалом, который обязательно простегивался и в определенных местах украшался тонкой вышивкой.

Подошва делалась одинаковой вне зависимости от вида унтов. Она состояла из нескольких проклеенных и прошитых слоев белого войлока, подшитых кожей, снятой со спины или ноги домашнего животного (быка или лошади).

Остановимся на такой разновидности обуви агинских бурят, как *эрмэг гутал* (рис. 1). Эти унты отличает от других видов обуви приподнятый острый носок. Сапожные мастера шили их из продыmlенной и окрашенной кожи, которую нарезали кроильным ножом по выкройкам на короткие голенища и головки-союзки. Союзки представляли собой два равных куска кожи, сшитых на подъеме и пятке. Подметки унтов состояли из двух-трех уложенных друг на друга и проклеенных мучным клеем слоев светлого войлока и подшитой снизу толстой кожи. Такие подметки простегивались и пришивались к голенищу. Задники (*зуузай*), носки (*сараг*), голенища (*туушэ* или *турээ*), как правило, украшались аппликациями из кожи в виде узоров типа «свастика» (*хас тамга*), «солнце» (*наран*), «узел счастья» (*улзы*), растительный побег. Нередко унты имели кожаную тесьму (*хабишаанан*) из светло-желтой кожи, делившую пополам носки и доходившую до середины голенища.

Для шитья унтов у каждого сапожника был набор различных по размеру дере-

Рис. 1. Унты (эрмэг гутал). Масштаб 1:10

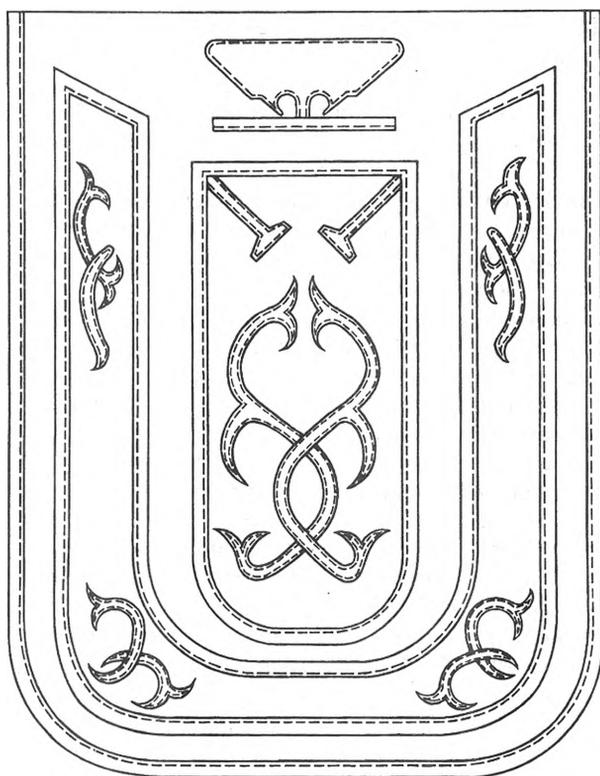

Рис. 2. Тебенек (19 × 9 см). Масштаб 1:2

вянных колодок, необходимых при формировании союзок обуви. Унты прошивались сухожильными нитками, причем голенище в нижней части на три четверти делали стеганым.

Такого типа обувь в XIX – начале XX в. носили забайкальские буряты, монголы, тувинцы, хакасы, алтайцы, забайкальские эвенки²¹. По своему декору унты агинских

бурят не отличаются от обуви других забайкальских бурят и близки орнаментации монгольских и тувинских кожаных сапог.

Из хорошо выделанной, окрашенной кожи шорники изготавливали тебеньки (*дэбнэн*). Они закреплялись на деревянной основе седла и покрывали оба его крыла. Шорники придавали тебенькам форму правильной трапеции с нижними закругленными краями. Основной тебенькам служили два слоя толстой кожи, поверх которых пришивали аппликации, выполненные из тонкой кожи зеленого или черного цвета. Аппликации представляли собой сложные геометрические и растительные переплетающиеся узоры. Обычно в центре композиции агинских тебеньков располагался отдельный узор в обрамлении из других узоров, повторяющих края изделия (рис. 2, 3). Размеры тебеньков колебались в пределах 16–19 на 17–20 см. Тебеньки других групп бурят (Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В. А. Обручева, № 4742, № 2829, № 4616, № 4545; Бурятский этнографический музей, № 3544, № 962) аналогичны агинским образцам.

Чепраки (*хэжэм*), также являвшиеся частью седла, составляли единый комплект с тебеньками. Они представляли собой двойную крашеную кожу прямоугольной формы, на которую были нашиты аппликации из цветной кожи. Орнаментальные композиции на чепраках и тебеньках одного седла совпадали. Размеры чепраков агинских бурят были следующие (см): ширина 30–40, длина 100–120. Отметим, что определенная близость в художественном оформлении и изготовлении чепраков и тебеньков бурят, монголов и тувинцев объясняется тем, что такой тип седла унаследован ими от единого пласта культуры.

Ремни для конской сбруи шорники делали из сыромятной коровьей, лошадиной или верблюжьей кожи. Такую кожу разрезали по спирали в ленту, которую разминали и размягчали при помощи кожемялки (*гар талхи*) и деревянной колотушки (*мугуй*). Конская сбруя состояла из духслойных ремней, прошитых сухожильными нитками. Участки, где на кожаную основу крепились декоративные накладные пластинки, делались из четырех слоев кожи. Когда изготавливали ремни, кожаную полосу складывали вдвое и прошивали по соприкасающемуся краю или, разрезав ее вдоль на две полоски, прошивали последние по обоим краям.

Плетка для верховой езды (*ташуур*) имела деревянную рукоять с укрепленной на ней кожаной частью из длинных перевитых ремешков. Обычно кожаная часть плетки сплеталась из тонких ремешков (их число колебалось от 2 до 12), обвивающих центральный ремень. В сечении она иногда приближалась к кругу.

Кроме плеток для верховой езды, агинские шорники изготавливали тяжелые бичи для охоты, которые одновременно являлись своеобразным боевым оружием. Зачастую для повышения их ударной силы на концах кожаных ремешков закреплялись камешки или кусочки свинца. В. А. Михайлов пишет, что у бурят были известны особо массивные плети, при производстве которых применялась техника квадратного плетения (*тэбхэр гурлоо*)²². Схожие плетки (*ташуур, минаа*) встречались и у других бурят (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, № 2098-5). Плетки калмыков (*ташмаг, маля*), монголов (*ташуур, мянаа*) мало отличимы от бурятских плеток.

Дорожные сумы (*тулам*) из сыромятной коровьей шкуры служили для перевозки вещей и продуктов во время дальних поездок. Наиболее распространенным материалом для них служила спинная кожа животных. От такой кожи отрезался прямоугольный кусок шириной 50 и длиной 120–130 см. По бокам к нему пришивали прямоугольные клинья, а сверху – покрывку из той же кожи. В верхней части сумы через специально сделанные отверстия пропускали кожаный ремешок, которым ее затягивали. Покрывку делали такой, чтобы она полностью закрывала открытую часть сумы. Сумы, сработанные шорными мастерами, нередко украшались тисненными узорами.

Кожаные сосуды для хранения жидких кисломолочных продуктов, молочной водки, столь характерные для быта монголов, тувинцев и калмыков XIX столетия, в рассматриваемое время бурятскими шорниками не изготавливались. Известная путе-

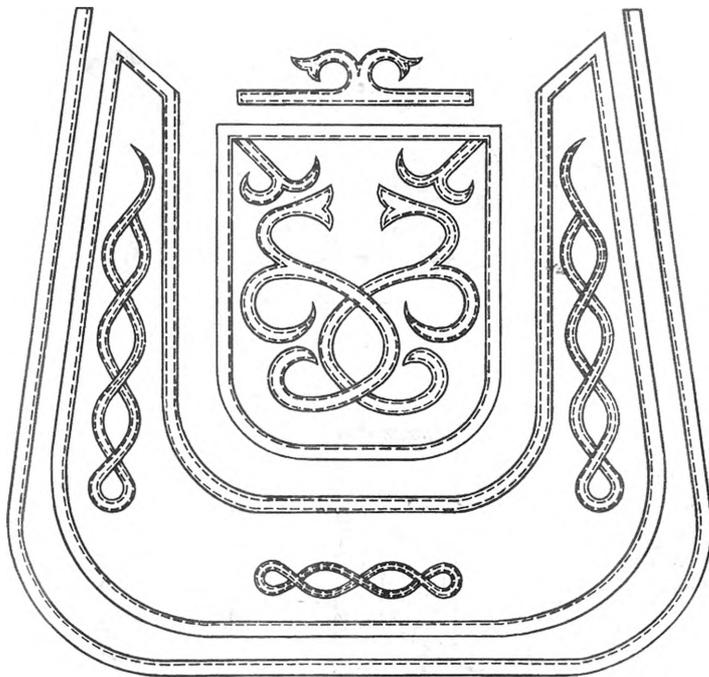

Рис. 3. Тебенек (16,8 × 13,4 см). Масштаб 1:2

шественница А.В. Потанина пишет: «Кажется, у бурят и ранее, при кочевом образе жизни, кожаная посуда, так часто встречающаяся у монголов и киргизов, не была в употреблении»²³. Относительно существования у агинских бурят кожаной посуды У.-Ц. Онгодов замечает: «Кожаной посуды агинские буряты ныне не имеют, но ранее... имелись точно такие же, какие ныне есть у киргизов Западной Сибири и у монголов Китайской империи...»²⁴. По-видимому, утрата традиции производства кожаной посуды агинскими бурятами произошла до XIX в. Причины этого неясны.

Инструментарий кожевников

Кожу для своих изделий агинские мастера выделывали с помощью несложных приспособлений – таких, как коса-литовка (*хажуур*), скребло (*хэдэргэ*), кожемялки (*талхи*), нож (*хутага*).

Скребло представляло собой слегка согнутый железный нож, вставленный в деревянную палку, концы которой служили ручками. Им очищали кожу от мездры. Для этого растягивали на ровной земле кожу, закрепляя ее края деревянными колышками. Затем счищали мездру, двигая скребло на себя. Размеры скребел могли варьировать. Например, скребло, хранящееся в Российском этнографическом музее (№ 1782-5), имеет рукоять длиной 0,7 м, а длина его ножа равна 0,4 м.

Рассмотренный тип скребла был известен и другим группам бурят²⁵. Остальные монгольские народы использовали скребла иных конструкций²⁶. Бурятским скреблам ближе по конструкции орудия тувинцев²⁷, эвенков²⁸, нганасан²⁹. О древности этого ремесленного инструмента говорят данные языков: термин *хэдэргэ* древнемонгольского происхождения и находит параллели в современных тунгусо-маньчжурских, монгольских и тувинском языках.

Косой-литовкой скоблили и сбривали волосяной покров со шкур. Это была обыкновенная коса, уже не пригодная для сенокосения и приспособленная для очистки шкур

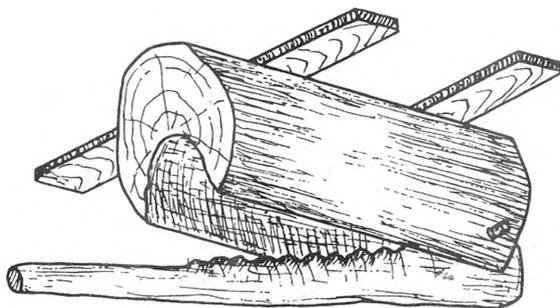

Рис. 4. Кожемялка (гар талхи). Масштаб 1:20

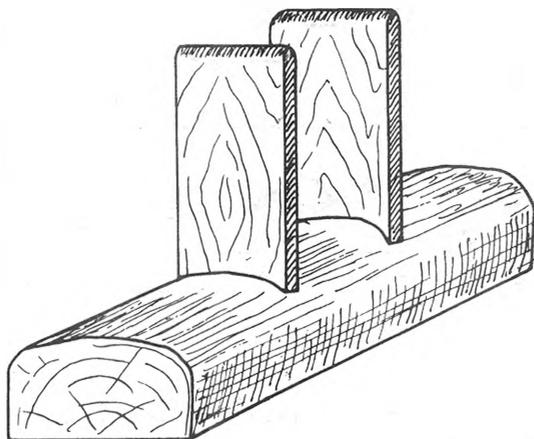

Рис. 5. Кожемялка (убдэг талхи). Масштаб 1:20

от мездры. Такие косы стали применяться бурятами под влиянием русских. Косы-литовки использовались как скребла и у некоторых других народов России, в частности у калмыков³⁰.

Мастера разминали кожи с помощью мялок различной конструкции. Кожемялка первого типа (*гар талхи*) предназначалась для обработки овечьих и козьих шкур. Она состояла из небольшого деревянного обрубка (*тэбишэ*) с продольным желобом, имевшим верхние зазубренные края, и рычага (*барюул*) с вырезанными снизу зазубринами (рис. 4). При использовании такой мялки кожу укладывали на желоб и, надавливая рычагом, разминали. Кожу при этом постепенно перемещали. Похожие на бурятскую *гар талхи* кожемялки были у тувинцев (*далгыг* или *талгыг*)³¹, монголов (*талхи*)³², хакасов (*талгы* или *талсы*), якутов (*сытыары талкы*)³³. Данный тип мялки вполне может быть отнесен к архаичному.

Кожемялка второго типа (*убдэг талхи*) состояла из плоского обрубка (*хуури*) лиственницы, являвшегося основанием, и вертикально врезанных в него двух досок (*шударуул*) с острыми верхними краями (*эри*) (рис. 5). На эти доски набрасывалась кожа и разминалась многократным надавливанием коленом ноги. Возможно, этот тип кожемялки был заимствован бурятами у русских. Эта кожемялка идентична восточнославянской кожемялке «беляк», описание которой дает Д.К. Зеленин³⁴. В XIX в. кроме русских и украинцев кожемялка «беляк» встречалась у коми³⁵ и удмуртов. У монгольских и южносибирских тюркских народов она не была распространена.

Кожемялка третьего типа (*эрьюулгэ*) предназначалась для обработки коровьих, лошадиных, верблюжьих шкур. По размерам она была больше других кожемялок.

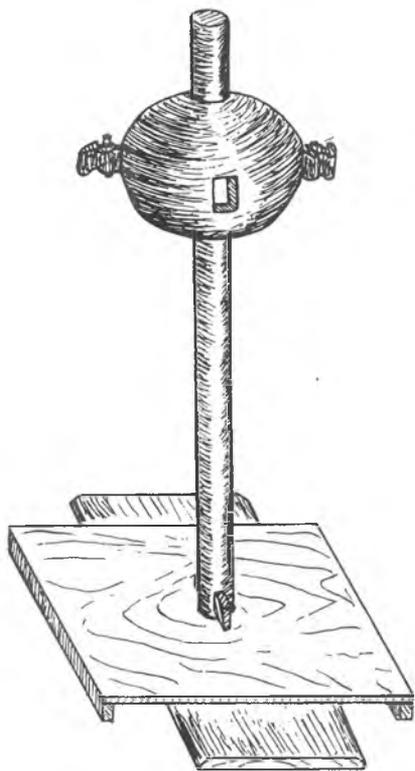

Рис. 6. Кожемялка (бор талхи).
Масштаб 1:10

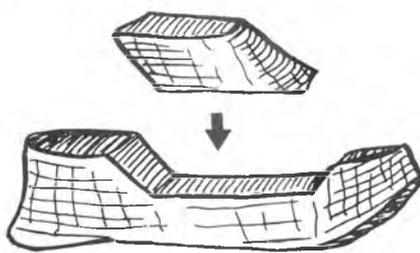

Рис. 7. Сапожные колодки (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. № 4179-10 в.). Масштаб 1:10

Конструкция ее выглядела следующим образом. Две двухметровые параллельные доски (*хэрхэнэй модон*), соединенные между собой четырьмя вертикальными палками (*хабхан*), насаживались на вкопанный в землю столб. В этом столбе (*гол*) по центру имелась прорезь, куда закладывались кожи. Мялка приводилась в движение с помощью одной или двух жердей (*хушуургэ*), вставляемых между двумя центральными палками. Во время вращения шкуры наматывались вокруг столба и разминались. Обратным вращением обработанные шкуры вынимались из мялки. Такого же типа кожемялки были, кроме бурят, у монголов³⁶ и тувинцев. Восточные тувинцы, по мнению С.И. Вайнштейна, заимствовали их у бурят в конце XIX в.³⁷

Кожемялка *бор талхи*, используемая для обработки кожи на ремни, имела в основе деревянный стержень, в верхней части которого укреплялся полый деревянный шар с прорезью для ремня. Нижний конец стержня вставлялся в крестовину из двух досок (рис. 6). Шар складывался из двух полусфер со специальными рубчиками на внутренних стенках. К шару приделывались две боковые, симметрично расположенные ручки, благодаря которым осуществлялось разминание кожи. Сначала заправляли (оборачивали вокруг стержня) кожаный ремень, затем закрывали шар и начинали крутить его в одном направлении, держа за ручки. Когда нужно было вынуть обработанный ремень, шар прокручивали в обратном направлении. Высота такой кожемялки 0,97 см, длина доски крестовины 44,5 см, ширина 29 см, диаметр шара – 19,5 см (Агинский окружной краеведческий музей им. проф. Ц.С. Цыбикова, № 15).

Агинские сапожные мастера во время работы пользовались преимущественно шилом роговым и с железным острием, ножницами, ножом, наперстком, деревянными колодками, иглой.

Сапожные колодки (*гуталай хэб*) (МАЭ, № 4179–10) вырезали из березы (рис. 7). Их делали двусоставными: нижняя, большая, часть служила для придания формы подошве и союзкам унтов, а верхняя – подъему унтов.

Подводя итоги можно констатировать, что кожевенное ремесло агинских бурят в XIX–XX вв. представляло собой сложившееся и достаточно развитое ремесленное производство. На это указывают существовавшая в нем специализация мастеров по производимым изделиям, устоявшаяся система заготовки и обработки сырья, технология и техника производства, разнообразие инструментария кожевников, а также определенный ассортимент изделий, отличающийся художественным исполнением и высоким качеством работы.

Анализ данных по кожевенному ремеслу агинских бурят показывает, что в разные исторические периоды оно испытало влияние двух ремесленных традиций (центрально-азиатской и русской). Освоение таких приемов обработки кожного сырья, как вымачивание, дымление, крашение, а также начало производства определенных видов кожаных изделий следует связывать с XIII–XVI вв. – периодом, когда предки агинских бурят – средневековые хори – входили в состав единого Монгольского государства. Такой вывод позволяет сделать особая близость кожевенного ремесла агинских бурят ремеслу монголов и западных тувинцев. Способы вымачивания, заквашивания кожного сырья, характерные для русских кожевников, а также применение ряда русских инструментов для обработки кожи (кожемялка «беляк», скребло-коса и т.д.) проникают в практику кожевенного ремесла агинских бурят в XVIII–XIX вв. с установлением прочных контактов бурятского населения с русскими переселенцами.

Примечания

¹ Кочешков Н.В. Народное искусство Монголии. М., 1973.

² Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. С. 265.

³ Эрдниева У.Э. Калмыки (конец XIX–начало XX в.). Элиста, 1970.

⁴ Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 125.

⁵ Махазагдаева Д.В. Агын бурядай арһа элдэлэдэ хабаагай угэнууд тухай // Исследования бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977. С. 207.

⁶ Линховоин Л.Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972. С. 28.

⁷ Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987. С. 29.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Дарбакова В.П. Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 54; Палаас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. Ч. 1. СПб., 1809. С. 473, 476.

¹² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 215.

¹³ Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. Верхнеудинск, 1925. С. 152.

¹⁴ Дарбакова В.П. Указ. раб. С. 50.

¹⁵ Бадмаева Р.Д. Указ. раб. С. 34; Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1974. С. 127; Дарбакова В.П. Указ. раб. С. 50–51; Эрдниева У.Э. Хозяйство и материальная культура калмыков в конце XIX–начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 1965. С. 101.

¹⁶ Потанина А.В. Буряты // Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. С. 27.

¹⁷ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 216.

¹⁸ Дарбакова В.П. Указ. раб. С. 58.

¹⁹ Бадмаева Р.Д. Указ. раб. С. 35.

²⁰ Рукописный отдел Бурятского института общественных наук РАН (далее – РО БИОН РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 103.

²¹ Бадмаева Р.Д. Указ. раб. С. 83.

²² Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ, 1993. С. 33–34.

²³ Потанина А.В. Указ. раб. С. 26.

- ²⁴ РО БИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 108.
- ²⁵ Бадмаева Р.Д. Указ. раб. С. 31.
- ²⁶ Дарбакова В.П. Указ. раб. С. 54; Эрдниев У.Э. Калмыки... С. 101.
- ²⁷ Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 97.
- ²⁸ Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969. С. 95.
- ²⁹ Попов А.А. Нганасаны. М.; Л., 1948. С. 97.
- ³⁰ Эрдниев У.Э. Калмыки... С. 101.
- ³¹ Потапов Л.П. Указ. раб. С. 97.
- ³² Дарбакова В.П. Указ. раб. С. 53.
- ³³ Зыков Ф.М. Традиционные орудия труда якутов (XIX–начало XX века). Новосибирск, 1989. С. 126.
- ³⁴ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 216.
- ³⁵ Романова Т.Н. Традиционные домашние ремесла и кустарные промыслы коми (конец XIX–начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 142.
- ³⁶ Дарбакова В.П. Указ. раб. С. 32.
- ³⁷ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 255.

A.A. B a d m a e v. Aginsk Buryat Saddle Handicraft

The author uses ethnographic, museum, archive materials and comparative data on Siberia and Central Asia peoples. They let to give a description of Aginsk Buryat saddle handicraft in 19th–early 20th c. According to the article there was master's specialization and the original practice of purchase and processing of raw-hide in it. The masters worked out the complex of technical methods and decorative kinds of work. Handmade goods are notable for high quality and art design.

The author of the article considers the handicraft tradition of Central Asia (14th–16th cc.) and Russian (18th–19th cc.) exerted influence on the development of Aginsk Buryat saddle handicraft.

© 1998 г., ЭО, № 2

А.В. Головнев

ДРЕВНИЙ ЯМАЛ В КОНТЕКСТЕ МИФОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ

Археология Ямала начиналась с мифологии. 70 лет назад начальник Ямальской экспедиции 1928–1929 гг. В.П. Евладов услышал от ненцев рассказы о жителях подземелья *сиртя* (*сиритя*)¹. Прежде о таинственных *сихиртя* (*сирте*, *Сиирте*, *Siirtjei*, *Sjihirtsje*) упоминали И. Лепехин, М.А. Кастрен, А. Шренк, Т. Лехтисало², а В.П. Евладову довелось первым из исследователей увидеть "чумы сиритя" на северо-ямальском мысе Тиутей-сале. Он рассказал о находке руководителю Североямальской экспедиции Н.А. Котовщиковой. Та поделилась новостью с одним из своих спутников, В.Н. Чернецовым. К началу лета 1929 г. В.Н. Чернецов добрался до расположенного на западном берегу Ямала мыса Тиутей-сале и поднял с едва оттаявшей поверхности холма ("чума сиртя") пару кусочков керамики. Так был открыт первый археологический памятник на Ямале. Его раскопки были прерваны известием о смерти Наталии Котовщиковой, случившейся тем же летом на северной оконечности полуострова. Прибыв на место трагедии и занимаясь погребальными работами, В.Н. Чернецов наткнулся на остатки древних землянок. Таким образом был открыт второй археологический памятник на Ямале – поселение на мысе Хаэн-сале³.

В.Н. Чернецов дважды опубликовал материалы обследованных им памятников⁴, но на Ямал больше не вернулся и начатые раскопки не продолжил. На три с лишним десятилетия полуостров оказался вне поля деятельности археологов (в 1949 г.